

1. 3. Особенности ПВЛ как художественного произведения культуры Древней Руси.

ПВЛ как произведение традиционной культуры построена на принципах, отличных от современных: литературного этикета, христианской историографии, традиционных поэтических формул и т. д. Поэтому исследование ЯЛ составителя ПВЛ невозможно без учета литературных особенностей этого памятника письменности.

ПВЛ является сводом, она основана на предшествующих летописных сочинениях и включает в свой состав фрагменты из различных источников: литературных, публицистических, фольклорных и пр.¹ Составитель ПВЛ, обладая высоким литературным чутьем, исключительной начитанностью, привлек обширный материал: “В ПВЛ находим выписки из книг Бытия, Исхода, Левита, Царств, Притчей Соломона, Премудрости Соломона, Екклесиаста, Иова, Пророков: Даниила, Исаии, Иезекиила, Михея и Амоса, Псалтыри, Евангелия, Посланий апостольских, Деяний апостольских и др.” [Лихачев 1979, с.134]. Однако летописец не следует литературной манере своих источников. Войдя в повествование, источники претерпевают

---

¹ В летописных сводах наиболее ярко появляется характерная особенность древнерусской культуры: сохранение памятников предшествующих эпох (причем не только принадлежащих собственной традиции, но и заимствованных) [Турилов 1997].

качественное преобразование, их материал подвергается надлежащей обработке. Поэтому в ПВЛ нет ожидаемого разнообразия жанров, традиций.

С распространением летописания в древнерусской письменности формируется определенное жанрово-узусальное единство, реализованное в жанре “летописного рассказа”. ПВЛ отражает историю формирования этого “канона”, в полной мере воплотившегося уже в тексте “Киевской летописи” – летописи непосредственно примыкающей к ПВЛ [Еремин 1966-а].

Целостность этого памятника письменности достигается подчинением повествования библейско-космографической основе ПВЛ, изложенной в обширном введении.¹ Составитель ПВЛ заимствует историческую христианско-схоластическую концепцию из византийских хроник и, таким образом, вводит историю Руси в контекст всемирной истории. Летопись начинается с библейской легенды о разделении земли после потопа между сыновьями Ноя – Симом, Хамом и Иафетом. Летописец относит славян к потомкам Иафета. После этого летописец переходит уже к истории славян, рассказывает, как они расселялись по земле, как назывались. Составитель ПВЛ повествует об основании Новгорода и Киева, об обычаях восточнославянских племен. Широта исторической перспективы, отличающая вводную часть ПВЛ, присуща и последующему изложению летописи. Особенно глубоко летописец анализирует события на Руси: смысл стяжания Русской земли, значение ее христианизации, деятельность русских переводчиков и книжников – события, которые сулят грядущее могущество и славу родной земли.

На провиденциализм вводной части ПВЛ обратил внимание О.В. Твогоров: “Славяне, словно бы осуществляя какие-то предначертания свыше, заселяют отведенные им земли, а поляне, на земле которых находилась будущая столица Руси — Киев, издавна выделялись мудростью и высокой нравственностью среди прочих племен. И наконец сбылось предсказание

---

¹ Несмотря на то, что введение не было единовременным добавлением составителя ПВЛ, но представляет текстологически многослойное образование [Гиппиус, 2001, с. 154].

мудрых хазарских старцев — Русь ныне никому не подчиняется, она сама собирает дань с окрестных народов” [Творогов 1979].

Интерпретация ПВЛ в библейском контексте была предложена И.Н. Данилевским [Данилевский 2002]. По мнению исследователя, летописцы отводили Руси роль избранной державы и рассматривали исторические события прошлого и настоящего в перспективе приближающегося Судного дня. Славяне и Русь упоминаются как потомки самого достойного из сыновей Ноя – Иафета, колену которого было предназначено царствовать над братьями, что предопределяет право Руси, потомков Иафета, властвовать над соседними землями. События, описываемые ПВЛ, по мнению исследователя, глубоко символичны. Так, первое упоминание о Руси под 852 (6360) г. относится к царствованию византийского императора Михаила, что, согласно И.Н. Данилевскому, обусловлено отождествлением его с Михаилом из Откровения Мефодия Патарского, правление которого является одним из знамений грядущего конца света [Данилевский 2003, с. 14 – 15]. Символичны Киев, который, как центр собирания земель и окрестных племен, отсылает к образу Нового Иерусалима; триада первых русских правителей Кия, Щека и Хорива, в функции персонификации власти тождественных трем варягам и отправляющих к библейскому образу сыновей Ноя [Данилевский 2002].

Предложенная И.Н. Данилевским интерпретация ПВЛ остается спорной, так как основана на классическом идеологическом анализе (лишь распространенным культурологической критикой) и не аргументирована чтениями летописи [Ранчин 2001]. Тем не менее, не вызывает сомнения подчинение летописных рассказов изложенной во введении библейско-космологической модели. В работе летописца современными исследователями акцентируется проявление “христианского символизма”: “Летописца интересуют не сами по себе события, а “божественная логика”, которая управляет всем ходом человеческой истории. За кажущейся пестротой приводимых фактов стоит главное, с точки зрения летописца, событие – Боговоплощение” [Конявская 2000, с. 75].

Еще И.П. Еремин отмечал, что летописные рассказы подчинены христианской “философии истории”, где человеческая история представляется ареной противостояния сил “добра” (бог, ангелы и святые) и “зла” (дьявол, бесы). “Характер изложения исторических событий в ПВЛ свидетельствует о том, что “философские” фрагменты летописца – не механический привесок к повествованию: они действительно отражают его мировоззрение”, “Человек – субъект и объект исторического процесса. Исторический процесс – проявление божественной воли...” [Еремин 1987, с. 50]. Наблюдения И.П. Еремина при детальной разработке вопроса о поэтике летописного времени развил Д.С. Лихачев. Летописец “изображает весь ход истории, а не соотнесенность событий. Он описывает движение фактов в их массе. Прагматическую связь фактов он стремится не замечать, так как для него важнее их общая зависимость от божественной воли. Факты и события возникают по воле сверху, но не потому, что одни из них вызывают другие в “земной” сфере” [Лихачев 1979, с. 259]. Летопись загромождена фактическим материалом: сообщениями о многочисленных вокняжениях, смертях, походах, интригах и пр. Однако именно в этих описаниях проявляется ее религиозный подъем над суетой жизни. Исторические события представляются временными, частными воплощениями вневременных событий библейской истории. Однообразное оформление “**Въ** **лѣто**...” уравнивает большие и малые события, а монотонность человеческой истории способствует восприятию более важного, заложенного в ней смысла.

Д.С. Лихачев обратил внимание на столкновение в ПВЛ двух представлений о времени: языческого, дописьменного, разорванного на отдельные законченные временные ряды, и христианского, объединяющего происходящее в историческое единство [Лихачев 1979, с. 254]. Столкновение двух представлений о времени в ПВЛ запечатляет переориентацию сознания с “первоначального господства круга как основы концептуализации

пространственных, временных и социальных отношений” на прямую [Евтушенко 2001].

Представление о истории как непрерывном процессе подкреплялась в ПВЛ генеалогической, родовой связью русских князей от Рюрика до Владимира Мономаха. Утверждение, что династия Рюриковичей уходит в глубокую древность, должно было поднять престиж кровного родства Рюриковичей и прекратить княжескую междоусобицу. Именно в осуждении феодальных усобиц, призыве объединиться в борьбе со степными кочевниками проявилась злободневность и публицистическая заостренность ПВЛ. Так, например, обоснованию “принципа старшинства” посвящено летописное “Сказание о Борисе и Глебе”: “Борис и Глеб подали своею смертью всем русским князьям пример братской любви и покорности. Их устами провозглашен принцип старшинства...” [Лихачев 1979].

Многие идеологемы ПВЛ были известны на Руси и до создания этого летописного свода. Таковы теория божественного происхождения княжеской власти, заимствованная из Византии, христианские концепции казней божих, мирского благочестия (=малых дел), братолюбия. Однако на протяжении XI в. данные идеи оставались не востребованными общественной мыслью и лишь в ПВЛ были трансформированы, переработаны в соответствии с потребностями времени и соединены в единое целое [Долгов 1999]. То же относится и к христианской космологии. Так, в НІЛ, сохранившей текст Начального свода, существуют стереотипные упоминания о сверхъестественных “знамениях”, однако летописец не посвящает читателя в смысл описываемого знака свыше. В ПВЛ, написанной впитавшими византийскую образованность монахами Киево-Печерского монастыря, уделяется внимания чудесам и их истолкованию намного больше: для интерпретации привлекаются теоретические выкладки из византийских хроник, местные сообщения о чудесах сравниваются с известиями переводной литературы [Долгов 2001-б].

С точки зрения форм летописного повествования И.П. Ереминым весь летописный материал был разделен на пять групп: погодная запись (небольшая по объему документальная запись, лишенная художественной формы и эмоциональности), летописное сказание (устное историческое предание в литературной обработке летописца), летописный рассказ (фактографичное повествование, в котором проявляется личность автора: в оценке событий, попытках охарактеризовать действующих лиц, комментариях, индивидуальной манере изложения), летописная повесть (повествование о смерти князя, в котором дается агиографически просветленный образ идеального правителя), документы (договоры и грамоты) [Еремин 1987, с. 54 – 64].

О.В. Творогов подверг критике разработанную И.П. Ереминым классификацию, построенную по характеру сочетания противопоставленных друг другу методов изображения действительности (идеализирующего и конкретизирующего) как не подтверждающегося летописным материалом и предложил типологию по “характеру повествования” [Творогов 1970, с. 32 – 34]. Первый тип повествования – это погодные записи (лишь информирующие о событиях), другой – летописные рассказы (рассказывающие о событиях с помощью сюжетного повествования). В ПВЛ О.В. Твороговым выделяется два типа сюжетного повествования: характерные для ПВЛ летописные сказания и собственно летописные рассказы. Отличительной чертой первых является изображение исключительного, необычного, легендарного события: “...Военная хитрость и находчивость, мужество и сила – вот основные темы летописных сказаний” [Творогов 1970, с. 36]. В отличие от летописных сказаний, летописные рассказы посвящены изображению событий современных летописцу. Они более пространны, их сюжеты, в основу которых положены не легенды с традиционными коллизиями эпоса, а действительные события, не отличается лаконичностью и стройностью композиции. В летописных рассказах происходит совмещение фактографических записей, зарисовок эпизодов и

религиозных рассуждений авторов. Если прямая речь в летописных сказаниях пронизана фольклорной афористичностью, то в летописных рассказах (насколько это позволяет литературный этикет) имитируется живая речь современников.

Сюжетное повествование ПВЛ построено с помощью художественных приемов, придающих изложению занимательность: акцентирование “сильной детали”, вызывающей зрительные представления, характеристика героев, прямая речь персонажей [Творогов 1979, с. 44 – 60].

В ПВЛ распространены сюжетные рассказы, но для летописания в целом скорее характерно следование определенному литературному принципу, который получил название “стиль монументального историзма” [Лихачев 1979]. Монументальный историзм проявляется в попытке охватить все мироздание, увидеть в каждой детали всю вселенную, в тенденции подчинить единому объяснению все явления, найти символические связи между всеми вещами. Летопись обращена к извечной теме борьбы добра и зла, изображаемая в ней человеческая история – предначертана божественным промыслом, конкретные же события представляются частными проявлениями извечных коллизий, поэтому ПВЛ полна аналогий и аллюзий.¹ Главными героями в подобных “исторических мистериях” становятся князья, цари, святые, причем в функциях, свойственных своему статусу. Поэтому повествование пронизано церемониальностью, соблюдением этикета словесного выражения.

Литературное произведение Древней Руси не стремилось поразить читателя новизной, но, напротив, было оформлено ожидаемым образом. Автор, создавая произведение определенного жанра, одевал “ритуальную маску”, приличную описываемому. Он восхваляет или порицает то, что

¹ Так, В.Я. Петрухин показал, что сюжет “выбора веры”, традиционно считавшийся древнерусским, вписан не только в кирилло-мефодиевскую и, шире, – христианскую традиции, но и обнаруживает параллели с произведениями иных культур раннего средневековья [Петрухин 1997]. Новейшие работы позволяют поставить вопрос о существенном расширении литературных параллелей, в контексте которых следует рассматривать текст ПВЛ. “Очевидно, они должны включать практически все известные на сегодня античные и раннесредневековые произведения Европы, Ближнего Востока, а также, возможно, Средней Азии. Поиск новых литературных (в частности, текстуальных) параллелей представляется довольно перспективным направлением дальнейшего изучения древнерусского летописания” [Данилевский 1997].

принято восхвалять или порицать, причем осуществляет это, как то принято [Лихачев 1979-в]. Литературный этикет определяет темы ПВЛ, принципы построения сюжетов, предпочтительные изобразительные средства (адекватные речевые обороты, образы, метафоры...), ставит их в зависимость от описываемой ситуации: вокняжение, поход, некролог и пр. [Творогов 1979]. Литературный этикет зиждется на литературных канонах, образцах. Более того, по мнению Д.С. Лихачева, "...не только выбор устойчивых стилистических формул определяется литературным этикетом,— меняется и самый язык, которым автор пишет. Легко заметить различия в языке одного и того же писателя..." [Лихачев 1979-б]. Поэтому определение авторства ПВЛ и произведений древнерусской литературы вообще считается проблематичным. Так, до сих пор остается дискуссионным вопрос отождествления Нестора-летописца и Нестора-агиографа, автора "Жития Феодосия Печерского" и "Сказания о Борисе и Глебе". Традиционность, ориентация на образы, этикетность средневековой литературы, в особенности ПВЛ как произведения официальной литературы, предопределили направление авторизации того или иного летописного свода в поиске отличительных черт, маркирующих отдельные отрывки, но не свойственные произведению в целом.